

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

К. ДЖ. СЭНСОМ

СЕДЬМАЯ ЧАША

ЭКМО
МОСКВА

2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
С 97

C. J. Sansom

REVELATION

Copyright © 2008 by C. J. Sansom

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Сэнсом К. Дж.

С 97 Седьмая чаша / К. Дж. Сэнсом; [пер. с англ. А. В. Новикова]. — М. : Эксмо, 2013. — 608 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-67084-0

Англия, 1543 год. В фонтане на территории Линкольнс-Инн, известной адвокатской палаты, найден труп Роджера Эллиарда, друга Мэтью Шардлейка — одного из лучших в Лондоне специалистов сыского дела. Шардлейк по просьбе вдовы покойного начинает расследование, и тут неожиданно выясняется, что за несколько дней до этого было совершено аналогичное преступление. Убитым оказался доктор Пол Гарней, личный врач лорда Латимера, последнего мужа леди Кэтрин Парр, на которой собирается жениться не кто иной, как Генрих VIII, король Англии...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Новиков А., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67084-0

ГЛАВА 1

Свечи в люстрах под высокими потолками Большого зала Линкольнс-Инн пылали огнем, поскольку спектакль начался лишь под вечер. Присутствовало большинство членов корпорации. Барристеры были, как обычно, облачены в мантии, их жены — в свои лучшие платья. После часового просмотра спектакля в стоячем положении спина у меня разболелась, и я испытал жгучую зависть к старым и немощным, для которых в зале поставили кресла.

Традиционно премьеры новых пьес проходили в Линкольнс-Инн в марте, но в этом году представление перенесли из-за небывалых снегопадов. Даже теперь, через месяц после положенного срока, было холодно не по сезону. С губ собравшихся срывались облачка пара и тут же поднимались к потолочным балкам. В тот год ставили «Искушение богатством», тяжеловесную нравоучительную пьесу, в которой участники представления в пышных костюмах изображали человеческие грехи и добродетели. Актер, выступавший в роли Добра, бесподобный в своих светлых одеждах и белой фальшивой бороде, читал нотацию тому, кто олицетворял Лицемерие, пытаясь отучить его от вероломства и наставить на путь истинный. Эту нудную тираду уместнее было бы адресовать собравшимся в зале адвокатам. Мне надоело смотреть на сцену, и я перевел взгляд на находящиеся в тени лица зрителей.

Главный казначей Роулэнд, малоприятный человек с худым и вечно кислым лицом, глядел на актеров и, вероятно, думал, что следовало бы нанять труппу с менее дорогими костюмами, хотя приходилось признать, что никаких особых декораций для этой пьесы не потребовалось. Прямо напротив я увидел своего старого недруга, Стивена Билкнэпа. Жад-

ным взором он ощупывал коллег-адвокатов. Его выцветшие светло-голубые глазки вечно бегали и никогда не смотрели прямо в лицо другим. Встретившись со мной взглядом, он тут же отвернулся. Это был, пожалуй, самый бесчестный из всех юристов, которых я когда-либо знал. У меня до сих пор саднило в груди при воспоминании о том, как полтора года назад из-за бессовестных махинаций его покровителя, Ричарда Рича, я вынужден был прекратить судебное преследование этого прощелыги. К моему величайшему удивлению, сейчас он выглядел усталым, даже больным.

В некотором отдалении, держа за руку жену, стоял мой друг Роджер Эллиард, в дом которого я был приглашен на ужин после спектакля. Актеры тем временем разыгрывали уже новую сцену. Блуд заключил пакт о дружбе с Пристрастием. Обнимая его, Блуд внезапно скрючился, как бы от боли, упал на колени и продекламировал:

Увы, сражен я наповал!
Такая боль — стоять нет мочи,
И коль лекарство не принять,
Умру до следующей ночи!

И протянул дрожащую руку к зрителям. Я заметил, что Билкнэп смотрит на него с выражением удивленного презрения, а вот Роджер вдруг отвернулся. Я знал почему и позже собирался поговорить с ним об этом.

Наконец спектакль закончился. Актеры отвесили нужное количество поклонов, зрители похлопали в ладоши, и мы, разминая замерзшие конечности, вышли в Гейт-хаус-корт. Солнце уже садилось, заливая здания из красного кирпича и тающий снег янтарным светом. Была суббота, канун Пальмового воскресенья¹, никаких дел в тот день не слушалось. Зрители шли к воротам или, если они были постояльцами Линкольнс-Инн, возвращались к себе, плотнее запахивая полы плащей. В ожидании Эллиардов я стоял у выхода, раскланиваясь со знакомыми. Взглянув на окна Эллиардов, я увидел яркое освещение и мелькающие силуэты слуг с подносами. Ужины, которые давала Дороти, пользовались заслуженной славой, и я не сомневался, что даже сейчас, во

¹ Пальмовое воскресенье — праздник Входа Господня в Иерусалим. В православной традиции — Вербное воскресенье.

время Великого поста, ее стол будет ломиться от яств и гости наедятся так, что их животы станут звенеть, как барабаны.

Невзирая на холод, я ощущал приятную расслабленность и покой, какого не чувствовал уже очень давно. Пройдет чуть больше недели, и наступит Пасха, а двадцать пятого марта официально начнется новый, 1543 год. Раньше мои мысли были заняты исключительно тем, какие еще неприятности принесет мне наступающий год, но теперь я ожидал лишь новой, интересной работы и приятного времяпрепровождения с добрыми друзьями.

Одеваясь в то утро, я замер и посмотрел на собственное отражение в стальном зеркале спальни. Я делал это крайне редко, ибо вид горбатой спины действовал на меня угнетающе. Но сегодня я заметил седые волоски в шевелюре и углубляющиеся морщины на лице. Что ж поделать, в минувшем году я разменял сорок лет, и рассчитывать на молодость уже не приходилось.

В тот день, перед спектаклем, я прогулялся вдоль Темзы, поскольку в кои-то веки, впервые после долгой и холодной зимы, услышал, как трещит лед. Я стоял на причале Темпл и смотрел на реку. Огромные глыбы льда в водовороте серой воды налезали друг на друга и сталкивались, оглашая окрестности громким стуком и треском. Я пошел дальше по мягкому подтаявшему снегу, с облегчением думая, что вот наконец-то пришла весна.

Стоя у дверей, я поежился, несмотря на подбитое мехом пальто. Хотя воздух сегодня и был заметно теплее, холоду не убавилось, а я так и не набрал тот жирок, который растерял во время лихорадки полтора года назад.

Кто-то хлопнул меня по плечу, и от неожиданности я слегка подпрыгнул. Это был Роджер. Его худобу компенсировала толстая шуба. Рядом с ним, улыбаясь мне, стояла его жена Дороти с покрасневшими от холода щеками. Ее каштановые волосы скрывал французский капюшон, вышитый жемчугом.

— Ты пребывал в глубокой задумчивости, Мэтью, — сказал Роджер. — Размышлял о высоком моральном пафосе пьес?

— Высоком, как каланча, и тяжеловесном, как лошадь, — вставила Дороти.

— Уж это точно, — согласился я. — Кстати, кто выбирал пьесу?

— Казначей.

Роджер посмотрел на Роуланда, который был погружен в беседу со старым судьей и поминутно кивал с необычайно важным видом.

Понизив голос, Роджер продолжал:

— Он искал что-нибудь далекое от политики. В наше время это весьма осмотрительно, но итальянская комедия была бы лучше.

Мы вместе прошли через двор. Я обратил внимание на то, что снег с фонтана Гейт-хаус-корта, замерзшего добрых три месяца назад, почти сошел, обнажив дорожки серого льда. Пройдет совсем немного времени, и фонтан вновь заработает, наполняя двор нежным плещущим звуком. На поверхности льда виднелось несколько монеток. Люди продолжали бросать монетки даже в замерзший фонтан — на удачу как в судебных, так и в сердечных делах. Как бы яростно адвокаты ни отрещивались от этого, они все же были самым суеверным из всех сословий.

У двери нас приветствовал Элиас, старый дворецкий Роджера, служивший в этой семье уже многие годы. Он проводил меня на второй этаж. Там я помыл руки и прошел в гостиную, где толстые свечи отбрасывали уютный маслянистый свет на кресла и диваны. Около дюжины гостей — сплошь адвокаты и их жены — либо сидели, развалившись, либо стояли, подпирая стены, а Элиас и мальчик обносили их вином. В очаге гудело пламя, наполняя комнату теплом и сладким ароматом душистых трав, разложенных на деревянном полу. Огонь отражался в столовом серебре, которым был уставлен накрытый белоснежной крахмальной скатертью стол. Стены были увешаны картинами в богатых рамах, в основном портретами библейских персонажей. Такова была последняя мода. Над большим камином располагался, пожалуй, самый ценный предмет обстановки во всем Линкольнс-Инн, гордость и отрада Роджера. Это было большое деревянное резное панно, на котором ветки деревьев затейливо сплетались со стеблями цветов, висели фрукты, выглядывали морды различных животных: медведей, оленей и даже единорога.

Рядом с этим шедевром деревянного творчества Роджер вел оживленную беседу с Эмброузом Лодером, юристом из моей адвокатской конторы. В каждом движении Эллиарда сквозила неумная энергия, он возбужденно жестикулировал, доказывая что-то толстому Лодеру, стоявшему неподвижно со скептической миной на краснощекой физиономии.

Дороти, со своим обычным веселым и добродушным выражением лица, ярким пятном выделялась на фоне черных одеяний двух юристов. На ней было зеленое платье из шелковой узорчатой ткани, с золотым отделочным кантом впереди и высоким воротником, открытым у горла. Этот наряд ей очень шел. Увидев меня, она извинилась перед мужчинами и направилась в мою сторону.

Я знал Дороти почти двадцать лет. Ее отец был барристером высшего ранга в моей первой адвокатской конторе. В то время нам обоим было двадцать с небольшим, и меня необычайно влекли к себе ее изящество, ум и доброта — редкое сочетание качеств. А ей, похоже, вполне нравилась моя компания, и, поскольку она не испытывала ни малейшего предубеждения против моего горба, мы скоро стали друзьями. Через некоторое время я осмелился мечтать о том, что наша дружба может перерасти в нечто большее. Правда, я никак не выдавал своих истинных чувств, и поэтому мне оставалось винить лишь самого себя, когда я узнал, что Роджер, мой друг и коллега, уже сделал ей предложение руки и сердца и оно принято. Позже он уверял, и я с готовностью верю ему, что не подозревал о моих чувствах по отношению к Дороти. Она же пыталась подсластить пилюлю, уверяя, что все вышло как нельзя лучше, иначе она, мол, оказалась бы перед слишком сложным выбором. В это было трудно поверить, поскольку Роджер сочетал в себе красоту, ум и неумную энергию, благодаря которой он был подвижен, как ртуть.

Дороти, как и я, разменяла недавно четвертый десяток, но, если не брать в расчет небольших морщинок вокруг глаз, выглядела гораздо моложе. Она наклонилась, и я расцеловал ее в пухлые щечки.

— Веселого Пальмового воскресенья тебе, Дороти.

— И тебе тоже, Мэтью. — Она сжала мне руку. — Как твое самочувствие?

— Сейчас вполне сносно.

Меня часто беспокоила спина, но в последние месяцы я добросовестно выполнял все упражнения, которые прописал мне мой друг доктор Гай, и чувствовал себя гораздо лучше.

— Выглядишь ты хорошо.

— А ты, Дороти, с каждым годом выглядишь все моложе. Пусть этот год принесет тебе мир и процветание.

— Хотелось бы надеяться. Но недавно случилось весьма странное знамение, ты не слышал? Темза выбросила на берег двух огромных рыбин — здоровенных, серого цвета, с половину дома каждая. Раньше они, видимо, находились подо льдом.

Огоньки, плясавшие в глазах Дороти, подсказывали мне, что она находит эту историю восхитительно абсурдной.

— Они были живыми?

— Нет, они лежали на грязном берегу Темзы в районе Гринвича. Люди сотнями переходили через Лондонский мост, чтобы поглазеть на них. Все твердят, что в канун Пальмового воскресенья такое знамение предвещает нечто ужасное.

— В последнее время люди во всем видят знамения. Среди лондонских начетчиков это стало настоящей модой.

— Верно.

Вероятно, уловив в ответе горькую нотку, она бросила на меня испытующий взгляд. Двадцать лет назад Дороти, Роджер и я — мы все были сторонниками Реформации, надеясь на то, что благодаря ей в мире возникнет новое христианское братство. Дороти и Роджер до сих пор верили в это. И хотя многие из их теперешних гостей в прежние дни тоже тяготели к реформаторству, в последнее время большинство обрело тихую гавань в повседневной профессиональной жизни. Люди были напуганы или разочарованы волнами религиозных конфликтов и репрессий, которые приобрели еще больший размах через десять лет после окончательного разрыва между нашим королем и Римом. Любопытно, думалось мне, догадывается ли Дороти о том, что моя вера тоже поизносилась до дыр и вот-вот закончится?

Она переменяла тему разговора.

— Но есть и хорошая новость. Сегодня мы получили письмо от Сэмюэля. Значит, дороги в Бристоль снова открыты. — Она вздернула черные брови. — Воспользовавшись своим даром читать между строк, я пришла к выводу, что у него появилась девушка.

Сэмюель был единственным сыном Роджера и Дороти, светом их очей. Несколько лет назад они переехали в Бристоль, родной город Роджера, где ему предложили должность рикордера — мирового судьи с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам. Год назад он вернулся к своей практике в Линкольнс-Инн, но Сэмюель, который в свои восемнадцать лет находился в учении у торговца мануфактурой, отказался переезжать, чем, насколько мне было известно, весьма расстроил родителей.

Я мягко улыбнулся.

— А ты уверена, что не домысливаешь в этом письме то, что хотела бы в нем прочесть?

— Нет! Он даже имя ее назвал — Элизабет. Она дочь торговца.

— До окончания срока учения он не сможет на ней жениться.

— Вот и хорошо. Значит, у них будет время, чтобы понять, подходят ли они друг другу. — На губах Дороти появилась плутовская улыбка. — А у меня — возможность послать в Бристоль какого-нибудь шпиона. Хотя бы твоего помощника, Барака. Я слышала, ему нет равных в делах такого рода.

Я рассмеялся.

— Барак по горло занят работой на меня. Придется тебе поискать другого шпиона.

— Мне нравится его едкое чувство юмора. Кстати, у него все в порядке?

— В прошлом году они с женой потеряли ребенка. Для него это стало тяжелым ударом, но он держится.

— А она?

— Я давно не видел Тамазин. Давно собираюсь пригласить их в гости, да никак не соберусь. А надо. Она столько возилась со мной, когда меня скрутила лихорадка.

— Суд прошений забирает все твое время¹. А еще то, что ты стал барристером высшего ранга. Я никогда не сомневалась в том, что ты когда-нибудь достигнешь подобных высот.

¹ Суд палаты прошений возник в XVI в. для разбора дел небогатых тяжущихся, которым было отказано в судах «общего права». Компетенция суда была столь же обширна, как и у канцлерского, но касалась менее значительных дел. Этот суд был проще, дешевле и потому популярнее среди населения.

— Да, — улыбнулся я. — И это хорошая работа. Уже больше года прошло с тех пор, как архиепископ Кранмер назначил меня одним из двух барристеров, защищающих в суде интересы бедняков, а с этим назначением пришло и звание барристера высшего ранга. Никогда раньше я не получал такого удовольствия от своей работы. Но должен признаться, нагрузка весьма велика, а клиенты... Что ж, бедность не делает людей ни добрей, ни покладистей.

— Она этого и не может! — с горячностью подхватила Дороти. — Бедность — это проклятие!

— Но я не жалуюсь. Даже эта работа бывает разной.

Я помолчал.

— Вот как раз сейчас у меня появилось новое дело. Мальчика упрятали в Бедлам¹. Завтра я встречаюсь с его родителями.

— В Пальмовое воскресенье?

— Дело не терпит отлагательств.

— Понятно. Сумасшедший клиент.

— Сумасшедший он или нет, еще предстоит выяснить. Его отправили туда по приказу Тайного совета. Это одно из самых странных дел, которые мне только попадались. Весьма, весьма интересное, хотя, признаюсь, связываться с Тайным советом мне бы не хотелось.

— Ты обеспечишь торжество правосудия, я в этом не сомневаюсь.

Дороти положила ладонь мне на плечо.

— Мэтью!

Рядом со мной внезапно возник Роджер и горячо пожал мою руку. Он был невысок и гибок, с худым, но красивым лицом, не знающими покоя голубыми глазами и черной шевелюрой, уже начинавшей редеть. Его, как всегда, переполняла энергия. Даже несмотря на то что Дороти досталась ему, я любил этого человека всей душой.

— Я слышал, вы получили письмо от Сэмюэля? — спросил я.

— Ага, написал, чертенок! Наконец-то!

¹ Бедлам (искаж. от англ. Bethlehem: Bethlehem Royal Hospital, Вифлеемская королевская больница) — изначально английский монастырь сестер и братьев «Звезды Вифлеема», основанный в 1247 г. мэром Лондона С. Фитмэри. С 1330 г. служил госпиталем, а с 1402 г. — местом содержания и лечения душевнобольных. Получил печальную известность из-за жестокого обращения с больными.

— Меня ждут дела на кухне, — проговорила Дороти. — Скоро увидимся, Мэтью. Поговори пока с Роджером, у него есть интересная идея.

Я проводил ее легким поклоном, снова повернулся к Роджеру и тихо спросил:

— Ну что, как твои дела?

Он тоже понизил голос.

— Со мной такого больше не было, но я был бы рад пови-
даться с твоим другом доктором.

— Я заметил, как ты резко отвел глаза в сторону, когда во время спектакля Блуд скрючился на сцене.

— Да, это пугает меня, Мэтью.

Вид у него вдруг стал беспомощным и незащитным, как у ребенка.

На протяжении последних недель Роджер несколько раз без всяких видимых причин терял сознание и падал в обморок. Он боялся, что у него начинается падучая — ужасная болезнь, которая заставляет здорового с виду человека ни с того ни с сего валиться на землю, корчиться и рычать, аки зверь. Болезнь неизлечимая, которую одни считают разновидностью временного умопомешательства, другие — свидетельством одержимости дьяволом. То, что приступ мог начаться в любой момент, заставляло людей сторониться больных этим недугом, и уж, по крайней мере, ни о какой карьере юриста для них и речи быть не могло.

Я ободряюще сжал его руку.

— Гай докопается до причин, обещаю тебе.

Роджер открыл передо мной душу за ужином на прошлой неделе, и я пообещал ему устроить встречу с моим другом доктором не позже чем через четыре дня.

Роджер хитро улыбнулся.

— Будем надеяться, я услышу от него то, что хочу услышать. Дороти я сказал, что у меня рези в желудке. Думаю, так будет лучше. Ведь женщины готовы паниковать из-за любого пустяка!

— Мы тоже, Роджер, — улыбнулся я. — И иногда без всяких поводов. Причины твоих обмороков могут быть любыми, и не забывай, обморок — не припадок. Настоящих припадков у тебя, к счастью, не было.

— Да, я знаю.

— Дороти сказала мне, что у тебя родилась какая-то новая идея.

Я решил сменить гнетущую тему.

— Верно. — Он криво ухмыльнулся. — Я как раз излагал ее другу Лодеру, но его она, похоже, не заинтересовала.

Роджер обвел взглядом своих гостей и тихо добавил:

— Дело в том, что все мы здесь не бедные.

Он взял меня под руку и отвел чуть дальше в сторону.

— Я читал последнюю книгу Родерика Мора «Плач христиан по Лондону».

— Тебе следует быть осторожнее. Некоторые называют ее крамольной.

— Их пугает правда. — Голос Роджера звучал тихо, но настойчиво. — Господи, книга Мора — это обвинительный акт в адрес нашего города. В ней показано, как все богатства монастырей перешли к королю и его царедворцам. Закрывались монастырские школы и больницы, хворые оказывались предоставленными самим себе. Если раньше они могли рассчитывать на помощь монахов, то теперь лишились и этого. Легионы несчастных, лежащих на улицах, больных и полумертвых от голода — это позор всем нам. Вчера в Чипсайде я видел мальчика, сидевшего на мостовой возле какой-то двери. Его голые ноги были обморожены и поражены гангреной. Я дал ему шестипенсовик, но ему была нужна больница, Мэтью.

— Но, как ты уже сказал, они в своем большинстве закрыты.

— И именно по этой причине я собираюсь добиваться открытия больницы, которая будет существовать на средства судебных корпораций. Сначала соберем деньги по подписке, потом пойдут добровольные взносы адвокатов.

— Ты говорил об этом с казначеем?

— Еще нет. — Роджер вновь улыбнулся. — Сначала я хотел опробовать убедительность моих аргументов на этих людях.

Он кивнул на пышнотелого Лодера.

— Амброуз, к примеру, говорит, что нищие представляют опасность для прохожих своими ужасными гнойными язвами и зловонными миазмами. Он готов пожертвовать некоторое количество денег на то, чтобы очистить от них улицы. Другие жалуются на надоедливых попрошаек, которые

шагу не дают ступить. Этим я пообещал спокойную жизнь без нищих. Для тех, кто не склонен к благотворительности, найдутся свои аргументы.

Роджер перестал улыбаться и устремил на меня серьезный взгляд голубых глаз.

— Ты мне поможешь?

Я задумался.

— Даже если эта твоя затея увенчается успехом, что сможет одна больница на фоне беспросветной нищеты, царящей вокруг?

— Помочь хотя бы нескольким несчастным.

— Я помогу тебе всем, что будет в моих силах.

Если кому и была по плечу подобная задача, то только Роджеру. Его безудержная энергия и быстрый ум дорогого стоили.

— Я первым сделаю взнос по подписке и, если хочешь, помогу тебе провести ее среди других.

Роджер стиснул мои пальцы.

— Я знал, что ты поможешь. Скоро я организую комитет...

— Еще один комитет?

Это вернулась Дороти, покрасневшая после кухонного жара. Она бросила на мужа шутливо-вопросительный взгляд. Роджер обнял ее за талию.

— Это связано с больницей, милая.

— Людей будет нелегко убедить. Их кошельки и так отощали после всех королевских налогов.

— И отощат еще больше, — добавил я. — Говорят, у нового парламента потребуют новых денег, чтобы король мог пойти войной на Францию.

— Пустая трата денег, — с горечью произнес Роджер. — А сколько пользы они могли бы принести! Но с другой стороны, для него это самый подходящий момент, чтобы проверить подобное мероприятие. Сейчас, когда король скоттов умер и на троне находится девочка-младенец, Шотландия не сможет вмешаться в войну на стороне Франции.

Я кивнул в знак согласия.

— Король отправил шотландских лордов, плененных при Солвей-Мосс, домой, но прежде они, как рассказывают, поклялись поженить принца Эдварда и наследницу шотландского трона Марию.